

Грустная история

На сцене — герои Габриэля Гарсиа Маркеса

«Делать театр — нелегко. Делать театр в Колумбии очень трудно. Поставить пьесу в тех, более чем скромных условиях, в каких работает труппа «Локаль», почти невозможно. И тем не менее они создали великолепный спектакль».

К этим словам колумбийского критика Монки Рейес, открывающим в газете «Эспектадор» статью «О нежной Эрендире», можно было бы добавить многое. Рассказать о том, что сама труппа состоит из энтузиастов, которые днем учатся или зарабатывают себе на жизнь, а по ночам репетируют и играют. О том, что за восемь лет своего существования коллектив поставил пятнадцать спектаклей острого политического содержания и каждый из них был показан в рабочих кварталах, на сельских площадях, в студенческих общежитиях. Рассказать и о самом помещении театра, которое представляет собой ветхую деревянную пристройку к кирпичной стене, огораживающей стоянку для автомобилей на узенькой 52-й улочке Боготы. Можно было бы также добавить, что неоднократно на дверях этого театра висел замок, а над кассой «красовалась» табличка с надписью: «Закрыт по цензурным соображениям». Что за всю свою деятельность «Локаль» не получил ни единой копейки так называемой «официальной помощи».

Но сегодня речь не о том. Рассказ пойдет о премьере 1978 года — спектакле «Нежная Эрендира», поставленном по одной из лучших повестей выдающегося колумбийского писателя Габриэля Гарсиа Маркеса.

Советский читатель, знакомый с романом «Сто лет одиночества», наверно, вспомнит небольшой «вставной» эпизод о четырнадцатилетней девочке Эрендире, которую собственная бабушка превратила за долги в «живой товар». В дальнейшем писатель расширил рамки сюжета, превратив его в самостоятельное произведение, опубликованное в 1972 году под названием «Невероятная и грустная история о нежной Эрендире и ее бездушной бабушке».

Герои повести живут и действуют в Гуахири, в краю пустынь и соляных приисков, которые с одной стороны упираются в Карибское море, а с другой — в снежную гряду Сьера-Невада де Санта Марта. На этом забытом богом и властями кусочке земли среди индейцев гуахиро разбойничали два легендарных Амадиса: один был мужем бабушки, другой — ее сыном. Сама же бабушка была некогда похищена Амадисом-старшим из публичного дома и привезена в Гуахиру, где и основала «респектабельный очаг усадьбы и наслаждений». В наследие, кроме «очага», пришедшего в упадок, и сундука с костюмами Амадисов, осталась ей внучка Эрендира.

«Эрендира спала, работая, и работала спящей», — пишет Маркес. И вот в одну из ночей, когда проклятый ветер из пустыни гулял во всех щелях дома, Эрендира оставила зажженной свечу...

«Моя бедная крошка, — вздохнула утром бабушка, глядя на пепелище, — тебе не хватит жизни, чтобы расплатиться со мной за эту неосторожность».

Старуха подсчитала, что девочка должна ей более миллиона песо. И Эрендира стала выплачивать свой долг с того же самого дня, с момента, когда бабушка продала ее местному лавочнику, известному тем, что он щедро платил за целомудрие. После того, как в поселке не осталось ни одного мужчины, которому бабушка не предложила бы Эрендиру, они отправились в путь по пустыне, прихватив с собой сундук с костюмами Амадисов и циновку — ложе для «клиентов». Путь Эрендиры, заледеневшей изнутри, а внешне походившей на размалеванную страшную куклу, продолжался, пока на нем не повстречался Улиссес, сын контрабандиста, торговавшего на побережье апельсинами, в которых были спрятаны бриллианты. И впервые в жизни девочка испытала теплое чувство. Улиссес попытался помочь Эрендире бежать, но неудачно. В отчаянии они попытались взорвать шатер, где днем «работала» девочка, а по ночам отдыхала бабушка. Но взрыв лишь разметал полотняный балаган и растрелял старухе парик. «Ну что же, — сказала после этого бабушка, — придется тебе, девочка, все начинать сначала». И тогда Улиссес прибегнул к помощи ножа...

«Огромная, как монолит, рыча от боли и ярости, бабушка упала, придавив тело Улиссеса...», — пишет автор. И тогда лицо Эрендиры, продолжает он, вдруг приобрело черты зрелой женщины, чего не дали ей двадцать лет страданий. Она схватила принесенный юношей жилет с защитным в него золотом и

бросилась вон из хижинки. Улиссес долго звал любимую, бежал за ней...

Актеры театра «Локаль» с необыкновенной бережностью и ответственностью подошли к перенесению на сцену яркого и трагичного мира этой повести, стремясь сохранить в спектакле тот «магический реализм», который отличает все творчество Маркеса. Работа длилась около года, артисты объездили все уголки труднодоступного полуострова Гуахиры, изучая быт и нравы местного населения, индейские обычаи и поверья, деятельность, вернее, самоуправство местных властей. Но этим труппа не ограничилась. Организатор и режиссер театра 28-летний Мигель Торрес, поклонник Станиславского и Брехта, обратился также к малоизвестным репортажам Маркеса 50-х годов, когда писатель, будучи корреспондентом газеты «Эспектадор», объездил в поисках тем все уголки Колумбии.

«Мы ставили своей целью, — рассказывает Мигель Торрес, — не только достоверно передать сюжет повести, но и «пропитать» весь спектакль «маркесовским духом», сохранить образный, волнующий, иногда фантастический мир литературного оригинала. Естественно, основной мотив спектакля — разрушительная власть денег, искалечившая не только тело, но и душу Эрендиры. Однако введением «проходных» эпизодов, заимствованных из репортажей писателя, мы, как и он, стремились разоблачить коррупцию властей, религиозное фарисейство, моральную деградацию человека, одержимого накопительством».

Спектакль поставлен в двух действиях, состоящих из тридцати пяти эпизодов. Но как «слепить» их в единое целое, чтобы работа не потеряла напряженности и ритма оригинала? В качестве соединительных звеньев Мигель Торрес ввел музыку: после каждого эпизода трио народных музыкантов исполняет «вальенатас». Эти своеобразные куплеты — очень пространная на Карибском побережье форма народного фольклора. В несложных рифмованных строках певцы досказывают то, что не вошло в драматическое действие. Все оно строится на двух главных образах: бездушной и жестокой старухи, символа абсолютного Зла, и девочки.

Хотелось бы особо отметить, что пьеса поставлена удивительно целомудренно. Это также заслуживает большого уважения, принимая во внимание и то, что практически весь сюжет выстроен на серии насилья над полурепрессивом, и ту волну «сексуальной раскрепощенности», которая захлестывает сцены и экраны современного Запада.

С блеском исполнила роль бабушки Карменса Гомес Эрендиру с не меньшим артизмом и проникновенностью сыграла совсем юная Марта Суарес.

На премьере среди зрителей находился заслуженный артист РСФСР В. Гафт. Актеры знали об этом и после спектакля попросили его высказать мнение об их работе.

— Как вам понравился наш спектакль, маэстро? — обратилась к советскому актеру девушка удивительной красоты. — И какие замечания вы могли бы сделать мне лично?

Валентин Гафт смущенно спросил, какую из ролей она исполнила.

— Я играла бездушную бабушку, — ответила двадцатитрехлетняя Карменса Гомес, студентка факультета социологии Национального университета Колумбии. Гафт только и нашелся, что сказать ей:

— Поздравляю вас, коллега!

Л. НОВИКОВА,
спец. корр. «Советской культуры».

БОГОТА.

● Сцена из спектакля. Улиссес — Армандо Гутьеррес, Эрендира — Марта Суарес.

Фото Нирмы Санате.